

В

новом политическом цикле заложена крутая интрига. Она не видна ни в предвыборной кампании, ни в списке кандидатов, ни в безальтернативном результате.

Завесой тайны покрыт концепт переходного периода ко времени новой передачи власти в Кремле. Интрига же заложена в выборе пути развития, который очевидно встал перед нами опять. Чуть остановимся — и откатимся из пелотона догоняющих стран в группу неудачников. Дистанция в экономическом, модернизационном и индустриальном развитии между развитыми и развивающимися странами в эпоху деглобализации сокращаться перестала. У нас нет времени ждать реформации-2024. Но проблема в том, что если через шесть лет желающих засветиться и поучаствовать в перераспределении власти будет хоть отбавляй, то сегодня акторов перемен почти не видно.

Что есть застой

Говорят, что последний срок Владимира Путина — это новый застой. Позвольте, жизнь в стране и за ее пределами бурлила так, что не раз и не два могла обрушиться вся постсоветская конструкция государства. Мы вернулись уже в «горячие», а не только «холодные» войны. Наши элиты испытывали соблазн предательства и новой революции. Территория России приросла на 27 тыс. квадратных километров, а население на 2,3 млн человек. Население пережило падение уровня жизни, санкции, вызывающие тщеславие элит. В 2013-м запас крепости страны и нации был несравним с 1990-ми, и все же мы не раз возвращались к перспективам распада и хаоса. Что же это за застой, если на кону судьбы страны?

Другое дело, что в условиях жесточайшего внешнего давления многие внутренние процессы пришлось заморозить или задействовать оборонительный сценарий. Речь идет и об экономике с социалкой, которые Владимир Путин в начале третьего срока планировал патронировать из Кремля. И о правительстве и элитах, которые невозможно «сдать», дабы не показать слабость и объединить сомневающихся. И о политической сфере, в которой главной задачей было не допустить внешнего влияния и Майдана. Сегодня мы вполне адаптировались к новым реалиям: Россия надолго останется «токсичным» партнером для Запада. Санкции не снимут, а если снимут — навязнут новые. Деньгами и технологиями не поделятся. Трамп не поможет, Меркель не образумится — дальше сами. Нельзяечно сидеть в обороне, пора ставить национальное развитие на мобилизационные рельсы.

Татьяна Гурова, Петр Скоробогатый

ВЫЙТИ ИЗ ОБОРОНЫ

Созрели ли российская политическая система и ее элиты для интенсивного промышленного и инфраструктурного развития, мы узнаем в результате выборов 2018 года

И вот здесь появляется несколько развилок, которые при ложном выборе могут привести как раз к застою. Ведь что есть по сути своей застой? Это тихое развитие экономики, которое только либеральным чиновникам может казаться успехом. По данным Всемирного банка, 1,7 и 1,8% роста ВВП в 2018 и 2019 годах — и это при условии роста цен на нефть. Вдвое медленнее мирового роста! Это изыскание монетарных запасов на покрытие дефицита бюджета вместо интенсификации работы экономики. Это угроза новой рецессии, слабый внутренний рынок, недоинвестированность, абсолютно пассивная денежно-кредитная политика. Сейчас нет проявлений масштабного кризиса, который способен поколебать политическую стабильность, но, чтобы его не было через два-три года, нужны изменения сегодня.

А еще застой — это забронзовевшая бюрократия, не желающая новых горизонтов. Такова неприятная цена политической стабильности, важной не только для поддержки власти, сколько для национальной устойчивости в условиях обороны по всем фронтам. Здесь же кроются риски дальнейшего развития: с кем идти в наступление, если солдаты и генералы раздобрали на заготовленном фураже?

Понятно, что Владимир Путин не рассматривает сценарий переворота системы. Президент верен консервативному курсу, который не подвел его ни в кризис 2008 года, ни 2013-го. В то же время модернизационные возможности консолидации (которой могло и не быть) общества, власти и элит почти исчерпаны. Бюрократическая система нашупала посткрымское равновесие и не хочет перемен. В итоге работают эффективно только те программы, которые имеют собственный бюджет и собственную кадровую и управленческую структуру (например, успешно функционируют такие программы, как московская реновация или реформа энергетики).

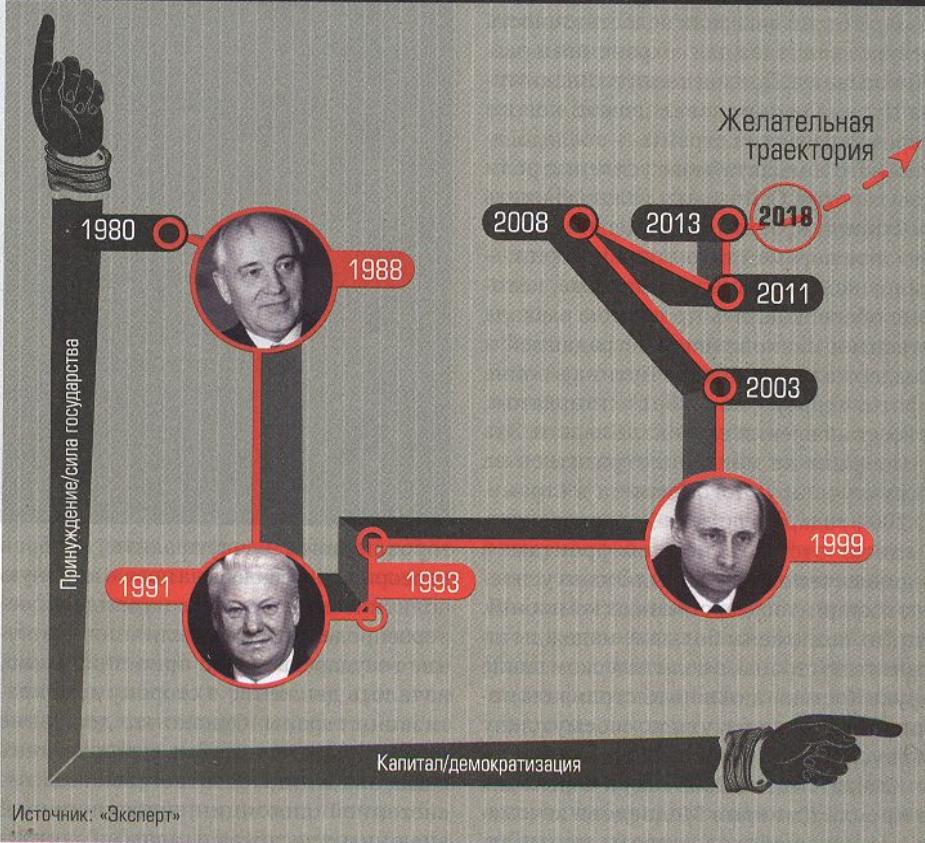
В общем, необходимость умеренно рискованного развития на фоне продолжающегося внешнего давления очевидна — и такой план наверняка лежит

на президентском столе. Дilemma-2018, по большому счету, в том, когда осуществить модернизационный рывок системы — сейчас, сразу после выборов, либо через два-три года, в рамках подготовки к передаче власти. Нам кажется, что этих двух лет нет ни у страны, ни у экономики, но бюрократические элиты не способны к переменам, они не будут добровольно творить новую реальность, в которой способны потерять активы. Впрочем, перемен от системы никто и не ждет — для этого в современном демократическом государстве есть различные акторы, которые либо осуществляют давление на органы власти, либо, заручившись поддержкой избирателей, сами проводят контркурс. Проблема в том, что в России усилившаяся государство и слабо развитая элита не породили акторов перемен на нынешний период истории.

Акторы перемен

«Эксперт» неоднократно обращался к американскому политологу Чарльзу Тилли. Он анализировал историю становления демократических государств в мире и предложил модель, в которой последовательное усиление государства как нации проходит в двух координатах и, соответственно, с использованием двух ресурсов власти: власти собственно государственной машины, по Тилли, «ресурса принуждения», и власти капитала, который Тилли иногда заменяет «ресурсом демократии». Воспользовавшись инструментарием Тилли, мы чертили схему российской истории в разные периоды времени и решились на смелые прогнозы. И, надо сказать, метод Тилли не подводил. В последний раз такая схема появилась в 2013 году (см. схему). Предлагаем рассмотреть ее же с новой точки зрения — с позиции тех полити-

Принципиальная схема истории России в 1980–2018 годах по Чарльзу Тилли

ческих и экономических субъектов, акторов перемен, под влиянием которых менялась кривая новейшей истории России. На вертикальной оси координат мы обозначили уровень государства — принуждения, на горизонтальной — уровень демократизации (или силы капитала).

Итак, стартовая точка — середина 1980-х. СССР — страна без капитала с хорошо отлаженной, но уже не злобной машиной принуждения. К 1991 году государство стремительно теряет силу под давлением общественных и интеллигентских элит, зарождающегося класса собственников и регионального сепаратизма. Советская бюрократия дезориентирована и деморализована, система гниет изнутри. Обвал экономики, либерализация цен, разрыв хозяйственных связей республик и регионов, развал Союза ослабляет силу государства радикально, пока в 1993-м противостояние ветвей власти не оборачивается расстрелом парламента и некоторым усилением президента **Бориса Ельцина**. Далее на протяжении почти десяти лет шло последовательное увеличение силы капитала. Акторами перемен на этом этапе были младореформаторы во главе с **Егором Гайдаром**, а также бенефициары залоговых аукционов, новые капиталисты, первые выгодоприобретатели буржуазной революции. Капитал стал главной силой развития, что особенно ярко подтвердили выборы 1996 года.

Однако кризис 1998-го и, еще более явно, террористические атаки на территории России показали недостаточность ресурса капитала для сохранения и развития нации. Приход к власти Владимира Путина ознаменовал начало нового периода развития страны — последовательного и масштабного усиления роли государства. Сейчас нам важно увидеть за спиной второго президента России акторов перемен того этапа истории — силовиков, условных «чекистов», которые обеспокоились процессом раз渲ла страны и национальной деградацией и поддержали Владимира Путина в войне против террора, в борьбе с олигархатом, в восстановлении вертикали власти. Эта поддержка не могла не отразиться на структуре крупного бизнеса в стране. С 2004 года, после дела Ходорковского, капитал отступил по всем фронтам: в экономической части были явно усилены позиции государственных компаний, на них возложены большие надежды по развитию страны, в политическом плане «рука Кремля» активно выстраивала политические институты по своему плану и вкусу.

Смена власти в 2008 году и появление в Кремле Дмитрия Медведева автоматически включили интересы других ак-

Акторы реформ в новейшей истории России

торов перемен — части элиты, которая переориентировалась на новую крупную политическую фигуру в надежде на перераспределение сфер влияния. Усиление государства было приостановлено, началось движение в сторону демократизации страны. Однако это движение опиралось не на капитал, а лишь на тень капитала в лице безответственной несистемной оппозиции, прикомплектованной внешними ресурсами, явно не заинте-

ресованной в развитии страны. Тем не менее к 2011 году произошла легкая коррекция: государство слегка утратило свою силу, а демократия немного отыграла позиции.

Впрочем, уже через год у демократических сил и либеральных активистов появилась уникальная возможность резко нарастить потенциал (общество выступило актором перемен). После митингов на Болотной площади власть как

будто растерялась и едва не выпустила из рук вожжи. Но несистемная оппозиция быстро оформила хаоса. Государство вновь нарастило свою мощь, остановив в том числе усиление капитала — многочисленные приватизационные проекты правительства Дмитрия Медведева первых лет работы были заморожены. Ну а дальше, после 2013 года, акторами перемен во внутренней российской политике стали внешние игроки.

Обратите внимание, государство в конце концов неизменно выходило победителем в столкновении с контрагентами, которых мы называли «акторами перемен». Оно вынужденно менялось под их влиянием, но при этом либо переманивало контрагеров на свою сторону, либо принуждало играть по своим правилам (в иных случаях выдавливало на маргинальную обочину). Либералы 1990-х сегодня либо

руководят «Роснано», либо находятся в жесткой оппозиции. Силовики разбирали посты в крупных госкорпорациях и куют сирийскую победу. Партийные проекты после арьергардных боев влились в путинское большинство. Общественные активисты, разочарованные несистемными уличными лидерами, получили инструменты в виде ОНФ и общественных палат либо разбирают президентские гранты в неполитических проектах. Даже западное давление государство в итоге обернуло себе на пользу: общество консолидировано «крымской весной», к элитам пришло вынужденное понимание необходимости национализации, импортозамещения и промышленной политики. Все вроде хорошо, но итогом этих слияний и поглощений стала грустная пустыня контрагентов власти — акторов перемен.

За последние годы государство неоднократно пыталось искусственно возвращать таких контрагентов. Появление «Справедливой России» — попытка взрастить левоцентристского игрока. Мимолетный взлет партии Михаила Прохорова — желание сыграть на либеральном фланге. С помощью «Партии Роста» Бориса Титова пытались возбудить предпринимателей. Но каждая такая попытка оканчивалась фиаско, не было движения снизу, а «играть» с государством никто не хочет, опасно. Таким же искусственным контрагентом видится и Алексей Навальный. Впрочем, у него своя, прикладная роль — он работает для выпуска оппозиционного маргинального пары и межэлитных сливов.

В итоге к 2018 году единственным актором перемен остался сам Владимир Путин. Правда, он сам плоть от плоти той системы, которую построил, и для обоснования реформ (перед элитой, бюрократией, соратниками) ему нужны контрагенты в широких слоях общества и внутри самой системы. Ведь проблема не в том, что у народа и элит нет запроса на изменения. На против, идеи есть, и их много, причем они часто критические по отношению к действующей власти, и к правительству в первую очередь. Но именно поэтому не наблюдается фигур, готовых взять на себя институциональные риски по выражению мнения широкого слоя думающих людей. Выборный период — хорошее время для появления таких фигур (необязательно кандидатов), ведь система, по сути, объявляет «сбор наказов» и пытается нашупать обратную связь снацией. В этом смысле предвыборная политическая поляна сейчас не кажется такой бедной.

Выбор контрагентов

Вот беглый взгляд на предвыборное поле. Прежде всего, конечно, обращает на себя внимание кандидат от КПРФ беспартийный директор подмосковного совхоза **Павел Грудинин**. Во-первых, тем, что у левых наконец-то появилось свежее лицо, во-вторых, хорошими электоральными перспективами. В нынешние кризисные времена люди чаще высказывают пожелания левого толка: расширенную поддержку бюджета, качественные социальные программы, права и возможности для трудящихся, рабочие места, больше государства в экономике, меньше капитализма. В программе Грудинина всех этих пунктов хватает, но они оставляют впечатление декларативности. Да и сам директор совхоза явно не политик. А мы привыкли видеть президента-многостаночника, который одним веслом на галере снимает губернаторов, другим — распекает американского партнера. Грудинин явно плавает в международном дискурсе, и это выйдет ему боком. Другая проблема — ставка на масштабную национализацию экономики, это первый пункт его программы! Подрывной тезис кандидата в президенты. Но в «20 шагах Павла Грудинина» есть и подходящие слова: новая индустриализация, модернизация экономики, экономический суверенитет. И антиэлитный дискурс — прогрессивное налогообложение и монополия государства.

Программа **Владимира Жириновского** кажется более масштабной. Здесь на первом плане национальный вопрос, борьба за русскую нацию, ее права и государствообразующий статус. Далее — 111 пунктов, в которых трудно не найти что-то близкое сердцу, например предложение помочь российской деревне и дальнему Востоку.

Трио **Явлинский—Навальный—Собчак** пытается сыграть на поле малой буржуазии и среднего городского класса. В их маловразумительных программах прорезается антибюрократический и антикоррупционный дискурс. Они неизменно выступают за права и развитие малого и среднего предпринимательства, против зарегулированности и проверок бизнеса, против беспредела силовиков. Впрочем, все разумное традиционно тонет в антивластной апологетике.

Борис Титов в конце 2017 года, похоже, взял на себя бремя рупора деофшоризации. Он выступил с рядом заявлений в поддержку репатриации капиталов, в том числе тех бизнесменов, которые проходили в России по различным уголовным делам. Тема актуальная: в феврале

многие наблюдатели ожидают расширения американских санкций в отношении российских компаний, крупных капиталистов и российских гособлигаций. Власть обозначила, что проблему знает. 21 декабря Владимир Путин поручил обеспечить выпуск специальных валютных облигаций для возвращения капиталов на родину. Однако пока шквал деофшоризации ожидать не приходится.

Неожиданно ярко на светскую тему выступил патриарх Кирилл, по сути, обозначив моральные основания для инициации новой экономической политики: «Дай Бог, чтобы развитие экономики и правильная внутренняя политика содействовали тому, чтобы преодолевались огромные разделения между людьми состоятельными и неимущими. И чтобы справедливость все более и более проникала в недра нашей национальной жизни... Богатые и бедные всегда будут. Но очень важно, чтобы разрыв сокращался. И чтобы понятие бедности не означало тяжелейшего положения человека на грани выживания».

Странно, но не сказала своего последнего слова и «Единая Россия». Партия власти затаилась: единороссы поддержали на выборах Владимира Путина, но идет-то он самовыдвиженцем. А лидер ЕР Дмитрий Медведев может после выборов и не вернуться на пост председателя правительства, что станет сильным внутриэлитным ударом по партии и потребует перезагрузки. Контуры этой внутренней трансформации уже видны. Есть также, на наш взгляд, сильная, современная политическая программа, состоящая из трех частей («Справедливость и безопасность для России и мира», «Благосостояние и социально-экономическое развитие» и «Государственное политическое строительство»). Программа цельная и масштабная, на такой документ не стыдно опереться ни партии, ни президенту. Так в чем же дело?

По ряду программных высказываний Владимира Путина понятно, что президент видит и чувствует проблемы страны, понимает необходимость интенсификации экономического роста, повышения доходов населения, снижения неравенства, разработки новой промышленной политики. При этом если и искать единства в разных программах кандидатов, то оно связано с изменением экономической политики, переводом акцента на внутренние ресурсы и цели, перетряской кабинета министров с идеей создать более амбициозную и более промышленную команду. Вопросы в инструментарии перемен и в силе сопротивления системы.

В прошлом году три группы (**Алексея Кудрина**, **Бориса Титова** и **Минэко-**

номразвития) работали над экономическими программами развития страны. Какую выберут, не ясно. А может, по традиции смешают, что может привести к негативным результатам. (В свое время **Михаил Горбачев** синтезировал правительственную программу Рыжкова и рыночную — «500 дней» — Явлинского и Шаталина. Получившийся гибрид угробил советскую экономику.) Для более радикальных решений Путину требуется широкая общественная поддержка, и он может выбирать, на кого опереться в своих преобразованиях. Например, уклон в сторону социальной политики и восстановления справедливости в обществе даст минимум 60% поддержки («левые плюс православные»). А реверанс в сторону предпринимателей обернется репатриацией капиталов и бурным ростом отечественной промышленности в случае решения кредитного вопроса. Выбор есть. Более того, есть и возможность объединения интересов и тех и других.

Замерзли

Вернемся к схеме Чарльза Тилли. Четыре года назад в статье «Домой!» (№ 30–31 за 2013 год) мы рисовали кривую дальнейшего наилучшего развития страны, одновременно и в сторону усиления государства, и в сторону усиления капитала — идеальный сценарий, основанный на быстром и целенаправленном промышленном развитии. Но сегодня кажется, что Россия остановилась в начале этого пути и на несколько лет «замерзла» без движения под сильным внешним давлением. Государство ответило на внешние риски усилием оборонительного компонента, а консолидированное общество показало всплеск низовой активности. Во внутреннем контуре особых изменений не произошло: власть лишь ограничила попытки влияния на политическое поле извне, но избежала соблазнов закрутить гайки. А общественная активность не опиралась на усиление капитала. Мы остались на траектории 2013–2014 годов и, может, поэтому сегодня говорим о признаках застоя?

Четыре года назад мы предупреждали: «Наша гипотеза состоит в том, что государство при нынешнем экономико-политическом устройстве достигло пика своей дееспособности <...> Демократизация предполагает появление субъектов, имеющих возможность самостоятельно, без прямой помощи государства, реализовывать стратегические цели. Именно тогда, когда появятся такие субъекты, начнется новый цикл роста дееспособности государства. Мы видим три ключевые линии интенсивного формирования следующих субъектов:

— создание условий для возвращения капиталов и "патриотизации" капиталов;

— появление на муниципальных и региональных уровнях людей и институтов, решающих свои задачи своими силами;

— формулирование реальных политических развилок в сознании нации и формирование на их основе деятельных и идеологических политических партий и блоков".

Сегодня перед нами, по сути, стоят те же задачи, что и четыре года назад. И есть даже признаки их решения: появляются механизмы деофшоризации и репатриации капиталов в условиях санкционного давления. Видны первые подходы к реорганизации региональных экономик, происходит кадровое омоложение региональных элит и губернаторского комплекса. Наконец, заметна попытка усилить статус Государственной думы и завершить большую политическую реформу. Партии должны будут модернизироваться, просто по факту старения их лидеров и возникновения нового общественного запроса. То есть, возможно, мы уже сегодня формируем субъекты публичной политики, которые станут акторами изменений (давления на власть, элиты, бюрократию) к столь важному сроку-2024.

Но все же, почему не произошел разворот за четыре года? Почему не появились политические субъекты этого разворота? Помимо очевидной проблемы слишком сильных внешних вызовов, которые отвлекали всеобщее внимание от внутренней политики, как нам кажется, важна и недоформулированность конфликтного поля. Как справедливо говорил один удачливый политик, прежде чем объединиться, надо размежеваться.

Во все предыдущие периоды выбор траектории происходил в рамках системы взглядов, фактически сложившейся в перестройку. Демократия, рынок, компактное государство, развитие общественных институтов, догма экономической эффективности прямо сейчас — эти политические ценности корректировались в зависимости от текущих вызовов, но не ставились под сомнение как долгосрочные и абсолютные всеми политическими игроками. Более всего эти цели оказывались на экономической политике, поэтому ее суть не менялась. Чтобы ее изменить, нужна ментальная корректировка целей и средств, которые элиты считают нормальными. А сделать это «на ходу» очень сложно.

Три линии перемен

Так как в современном мире никто, кроме государственной элиты или элиты,

приближенной к государству, не может совершить разворот (просто нет ресурсов), то только они и являются субъектом перемен. Это очень узкая группа людей, близких по типу карьеры, возрасту, уровню жизни, и различия лежат в выборе логических и этических конструкций, которыми руководствуются те, кто за сохранение статус-кво, и те, кто за развитие и принятие на себя определенных рисков. Несмотря на вялость предвыборной дискуссии о принципах развития страны, за последние несколько месяцев все-таки сформировались три линии самоопределения элит по поводу целей и ресурсов развития.

Первая — *отношение к государственным активам*. В условиях огромной доли государственных активов в экономике принципы их использования трудно переоценить. До сих пор доминировала линия, и часть бюрократии глубоко ей привержена, что государственные компании в условиях рыночной экономики должны жить по правилам частных компаний, максимизируя прибыль во что бы то ни стало. Более того, как правило, та же часть бюрократии предполагает, что госкомпании должны быть приватизированы, чтобы стать еще более эффективными. И с точки зрения исторической справедливости, и с точки зрения развития хозяйства это

**Активно развивающийся немецкий бренд:
доля рынка — 6%,
рост продаж — 18,7%***

Компания, применяющая передовые цифровые технологии в области продаж и обслуживания клиентов

**Торговая марка,
занимающая высокие
позиции в сфере
клиентского сервиса**

Volkswagen демонстрирует отличные результаты продаж и ищет высококвалифицированных партнеров

В 2017 году марка Volkswagen растет быстрее рынка*, наша дилерская сеть развивается, и мы ищем новых партнеров <https://www.volkswagen.ru/ru/become-dealer.html>. Адрес для заявок: development@volkswagen.ru

Volkswagen

* Посчитано на основании данных, предоставленных Ассоциацией европейского бизнеса (АЕБ).

** Рост продаж легковых автомобилей марки Volkswagen за период с января по ноябрь 2017 года по отношению к аналогичному периоду в 2016 году превышает средний рост продаж российского рынка легковых автомобилей в указанные периоды. Посчитано на основании данных, предоставленных Ассоциацией европейского бизнеса (АЕБ).

абсурд. Это просто убийство экономики страны.

Госкомпании сформировались на базе советских монополий. Часто это инфраструктурные компании, обеспечивающие хозяйственный оборот основными ресурсами. Стоимость их услуг эхом отзывается по всему хозяйственному контуру — и чем более эффективны за счет цен госкомпаний, тем менее эффективна вся экономика. При этом монопольное положение и зависимость бюджета от этих компаний определяют слабую мотивацию менеджмента к сокращению расходов. Практически все госкомпании России неэффективны с точки зрения себестоимости. Конечно, приватизировать монополию можно, даже несмотря на неэффективность по себестоимости. И государство может на этом заработать. Однако дальнейшая трансформация монополии ляжет тяжелым бременем на весь хозяйственный комплекс, и он может этого уже не пережить.

В последние месяцы стала все громче звучать альтернативная точка зрения: госактивы — это инструмент наращивания экономической мощи всего хозяйства. Их ценообразование, управление их себестоимостью, распределение прибыли должны исходить из общего блага, а не из узокорпоративных интересов. При этом опытные топ-менеджеры видят возможности существенного снижения себестоимости в госкомпаниях, а значит, и снижения себестоимости производства во всей экономике страны, с одной стороны, и огромный потенциал модернизации основного капитала госактивов, позволяющий сделать скачок в новый технологический уклад, — с другой. Для постсоветской России это абсолютно новый поворот в экономических возвратах.

Это не значит, что надо начинать национализацию и вообще даже думать о ней. Нет, конечно. Речь идет лишь о том, что имеющиеся госактивы должны стать инструментом организации экономи-

ческого роста, создав предпосылки для бурного роста широкого спектра частных рынков и сегментов.

Самая яркая демонстрация различия подходов — госбанки. Известно, что в качестве системообразующих субъектов они имеют доступ к очень дешевому фондованию со стороны ЦБ. При этом даже регионам кредиты они предоставляли во все не льготные, с разницей в процентах от стоимости собственного фондовирования в 15–20%. То есть госбанки прямо и

не лукавя, руководствуясь логикой рыночной эффективности, зарабатывают на государственных же образованиях — региональных субъектах, фактически препятствуя их нормальному развитию. В результате регионы оказались закредитованы под высокие ставки, но даже сейчас эту проблему пытаются решить, имея в виду, что госбанки действовали правильно — как коммерческие игроки (у нас же рынок!), а регионы — «лохи» и неэффективные управленцы. Хотя вряд ли эту последовательность действий можно считать направленной на общее благо. Честно говоря, кроме топ-менеджмента банков, это вообще никому блага не принесло. В рамках противоположной парадигмы госбанки должны быть обязаны делать прямо противоположное. Например, имея дешевое фондовование или даже из собственной прибыли выкупать долгосрочные целевые региональные облигации с низкой — максимум 4–5%, а лучше 2,5–3% — доходностью. Регионы в этом случае получат деньги на решение инфраструктурных задач, предприниматели и граждане — более качественные и дешевые услуги, что позволит одним повысить эффективность бизнеса или расширить границы сбыта, а другим снизить обязательные расходы и расширить потребление, а значит, стимулировать рост. Так из отказа от эгоистичной позиции госбанков вырастет огромный мультипликатор всеобщего экономического роста.

Захотят ли нынешние топы госбанков, как и других госкомпаний, принять новые правила — вопрос не рито-

рический. Это вопрос политического самоопределения.

Вторая линия размежевания — отношение к категории справедливости. С осени этого года эта тема стала звучать все чаще. В прежней парадигме, рожденной еще перестройкой, это архаичное понятие, присущее только людям левых взглядов, ведущее к торможению экономического роста, снижающее предпринимательский потенциал и сдерживающее инновационное развитие. Но как мы увидели на собственном тридцатилетнем опыте, исключение категории справедливости из общественно-политического дискурса не дало нам ни роста, ни инноваций, ни расцвета предпринимательства. Зато дало рост социального и имущественного неравенства, все более грозящего либо деградацией нации, либо социальными потрясениями.

Западный мир уже сделал для себя это «открытие» в середине прошлого века, пережив две войны, одну Великую депрессию и ужас от ожидания революции. И тот же Запад открыл для себя экономическую эффективность следования принципу справедливости. Отказ от идеологии рентных доходов как основного фактора благополучия и замена ее на трудовые доходы породили высокоэффективную трудовую этику. Прогрессивное налогообложение позволило прямо сгладить неравенство и насытить бюджеты деньгами, необходимыми для развития экономических институтов, работающих на общее благо. И то и другое вместе обеспечило высокие темпы

роста

Отношение к госактивам

экономике настолько устойчивое экономическое развитие, что к тому моменту, как мы начали свою перестройку, западный мир пребывал в уверенности, что он нашел способ навсегда забыть об экономических кризисах. А отказавшись тогда же от всех этих принципов, Запад вошел в череду жестоких и перманентных экономических неурядиц. Так что никто

сегодня не посмеет упрекнуть Россию, если мы вдруг решимся строить свою экономическую политику, не брезгя справедливостью.

Чтобы нас не обвиняли в романтизме, левачестве и возведении справедливости в разрушительную мечту, сошлемся на цитату Бенедикта Андерсона, которая определяет механизм действия справедливости — не как цель, а как вектор: «Нация — это образование, где и элиты, и граждане стремятся максимально возможно уменьшить неравенство и несправедливость, торые

Если коротко, то нам настоятельно требуется, чтобы нашу экономическую политику стали определять промышленники, а не финансисты. И если это произойдет, то многое, что сегодня кажется абсурдным, например низкие ставки процентов, станет нормальным. Появится долгосрочный горизонт, окупаемость и эффективность начнут считать на двадцать — двадцать пять лет, а сейчас и семь лет — это много. Появится связность производственных цепочек. Возможность планировать развитие целых отраслей. Мы станем в этой части говорить на одном языке с нашими и китайскими, и европейскими партнерами. В общем, изменится все. Хозяйственная жизнь страны обретет смысл, а не нынешнюю гонку за быстрым и легким кушем.

От того, как быстро произойдут эти ментальные перемены, зависит то, что мы будем делать в следующем президентском цикле. Уже строить или только готовиться к переменам? Возможно, и то и другое. И то и другое позволяет нации выжить. Вышеупомянутый западный мир готовился к переменам двадцать пять лет — с 1933 по 1958 год.

Сравнительные риски

В заключение — несколько слов о сравнительных рисках финансовых санкций и нового витка рецессии.

Ожидание финансовых санкций, прежде всего ограничений в отношении владения российскими ценными бумагами, рассматривается сегодня как один из определяющих факторов текущей экономической политики. Боятся оттока денег из наших ОФЗ, дефицита долгосрочной валютной ликвидности, девальвации рубля — в общем, некой копии кризиса 1998 года. Однако, например, профессор Финансового университета при правительстве РФ Михаил Ершов полагает, что Россия в целом и российские регуляторы в частности обладают всеми необходимыми ресурсами для купирования отрицательных последствий. У нас накоплены значительные золотовалютные резервы (425 млрд долларов против 30 млрд долларов нерезидентов в наших ОФЗ), что позволяет регулятору достаточно четко задавать валютный курс и придерживаться его.

Не правда ли, это описание страшно похоже на то, что происходит с нами?

Регулятор в состоянии не допустить и провала доходностей по самим ОФЗ, скupая их при необходимости. Кроме того, так как санкции являются режимом экстремальным, согласно международному законодательству мы можем позволить себе притормаживать вывод средств из наших активов в случае необходимости, возобновлять продажу валютной выручки для пополнения ЗВР и многое другое. Ершов также поясняет, что санкции в случае введения будут стимулировать диверсификацию рынков и источников привлекаемых валютных ресурсов, что пойдет нам только на пользу.

Еще более важный тезис заключается в следующем: чтобы не допустить негативного влияния на российскую экономику зарубежных источников финансовых ресурсов, важно обеспечить приоритетную роль внутренних источников монетизации. Основным механизмом видится эмиссия целевых государственных бумаг (в том числе связанных с финансированием долгосрочных инвестиционных проектов), что приведет к формированию в России более зрелого финансового рынка, где доля национальных госбумаг в денежной эмиссии до сих пор составляет 5%, тогда как в США и Японии она составляет 95 и 85% соответственно. То есть мы можем использовать опасения, связанные с финансовыми санкциями, для быстрого строительства нормального финансового рынка, так же как совсем недавно мы сделали это с продовольственным рынком.

Эти действия позволят нам избежать цикла новой рецессии, которая, по мнению очень многих экономистов, стоит прямо у нашего порога. Рост, который мы наблюдали в начале прошлого года, был ростом на отложенном спросе. Так

как он не был поддержан расширением денежного предложения, он свернулся. А поскольку основные источники внутреннего спроса — госбюджет и население — потеряли после 2014 года от 15 до 30% доходов в реальном выражении и восстановили за период краткосрочного роста совсем мало, то рецессия в 2–6% представляется весьма реальной. Единственным

ключом к преодолению этого риска, увы, является денежная политика. Если она не развернется в сторону промышленного и инфраструктурного строительства, пары проблемных лет нам не избежать.

■ Фото ТАСС

Категория справедливости

существует всегда и везде». Говоря иначе, мы так долго исключали справедливость из механизмов регулирования хозяйственной и общественной жизни, что наверняка эта категория накопила огромный потенциал позитивных и эффективных перемен.

Третья линия — промышленники и финансисты. В микроэкономической теории существует известный тезис: компании развиваются циклами, так как их попеременно возглавляют то финансисты, то промышленники или инженеры. Природа цикла в функционировании тех и других. Промышленники и инженеры развивают существование дела — продукты и технологии, много инвестируют в основной капитал, добиваясь успеха компаний. И когда успех достигнут, на смену им приходят финансисты, которые видят, что из этого успеха можно выжать больше, если перестать инвестировать во все эти «ненужные» идеи. Под руководством финансистов компания некоторое время чувствует себя прекрасно, получая максимум от имеющихся активов и радуя акционеров дивидендами. Но потом это вдруг заканчивается. Компания оказывается рыночно слабой, у нее давно нет никаких новых продуктов. Ее технологии устарели. И тогда акционеры возвращают промышленников.

Не правда ли, это описание страшно похоже на то, что происходит с нами?

Вдохновители экономической политики